

18+

Анна Самойлова

НОКТЮРН ДЛЯ НОЧНОГО ГОРОДА

рассказы

Анна Александровна Самойлова
Ноктюрн для ночного
города. рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19207317
ISBN 9785447494803

Аннотация

В сборник «Ноктюрн для ночного города» вошли рассказы, написанные в разное время в разных жанрах, но объединённые одной темой: город и тайна. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Портрет в стиле символизма	5
Аглая	8
Волшебная палочка	14
«Есть по Чуйскому тракту дорога...»	20
Здесь была Мара	28
Имаго	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Ноктюрн для
ночного города
рассказы
Анна Александровна
Самойлова**

© Анна Александровна Самойлова, 2016

© Виктор Манаков, фотографии, 2016

Редактор С. А. Тулина

Редактор Н. М. Ревкова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Портрет в стиле символизма

Марина Олеговна слушает внимательно. Действительно слушает и действительно внимательно. На ухоженном лице мелькает целая гамма чувств. От удивления до восхищения и лёгкой зависти.

Марина Олеговна сидит на стуле, закинув ногу на ногу. Стильные босоножки бело-голубого плетения изящной лодочкой обнимают ступни и подчёркивают тонкие лодыжки. Мягкая линия икр, округлые колени до середины прикрыты юбкой, тёмно-синей, почти чёрной... Красивые бёдра, прямая спина. Марина Олеговна не опирается на спинку стула, а слегка наклоняется вперёд. На ней прозрачная ультрамариновая блузка с глубоким v-образным вырезом. Красивая длинная шея, чёрные крашенные волнистые волосы, подстриженные в каре. В ушах серёжки белого металла с малахитом. Такие же бусики на шее и перстень на безымянном пальце правой руки. В узких ладонях женщина держит чашку чая, служащую ей своеобразной защитой.

– Я чувствую в Барнауле... – Марина Олеговна тщательно подбирает слова, – некоторую двойственность... Барнаул не похож ни на какие другие города... даже сибирские... Он, несмотря на новостройки и множество современных зданий, совсем не урбанизировался. Осталась в нём... – она смотрит вправо и вверх, – некая чертовщинка...

Голос Марины Олеговны певучий, с лёгкой картавинкой. Она немного шепелявит. Виной то ли не устранённый в детстве дефект речи, то ли непривычные протезы. Это её совсем не портит, наоборот, придаёт пикантности.

– Метро в Барнауле? – голос её звучит недоверчиво. В интонациях слышится: «Но мы ни разу не видели станции метро и ничего не слышали о нём!?»

Она удивлена. Она поражена. Она приподнимает чашку с чаем выше, поближе к себе. Но не пьёт.

Наконец, она делает глоток и ставит чашку на стол. Затем выпрямляется и даже слегка опирается на спинку стула.

– А почему клуб женский? – спрашивает она и, недослушав ответ, говорит, – тогда эти стихи вам будут понятны. Их нельзя читать в мужском обществе.

Марина Олеговна берёт в руки планшетник и, легко касаясь его указательным пальцем, начинает читать стихи. Они мелодичны и историчны. Становится сразу понятно, Марина Олеговна попала в свою стихию. Больше за весь вечер она ни разу не прикоснулась к чайной чашке. И та, с тонким следом от губной помады и недопитым чаем, до самого расставания сиротливо простояла на краешке журнального столика.

Марина Олеговна утончённая и аристократичная, очень много знает о Древней Греции и Древнем Риме. Она читает в подлиннике Бодлера и Рильке. Она спрашивает, вежливо улыбалась:

– А далеко ли ближайшая станция вашего метро?

Она недоверчиво слушает ответ, улыбка её становится чуть более жёсткой.

– Проводите меня до вашего метро.

Мы заходим в переход, спускаемся на эскалаторе, подходим к нужной стороне. Мы любуемся мозаикой и лепниной, рассматриваем пассажиров. Мы ждём электропоезд. Между мной и Мариной Олеговной висит напряжённое молчание. Кажется, она всё ещё не верит в существование барнаульского метрополитена.

Наконец подходит поезд. Механический голос объявляет эту и следующую станцию. Марина Олеговна шагает в вагон и, прежде чем закрылись двери, оборачивается и говорит мне:

– Станный город – Барнаул. Станные люди – барнаульцы. Одни называют его столицей мира, другие – Барнеаполем – дырой. А ведь дыра и есть.

Дверь закрывается и поезд уезжает.

Больше Марину Олеговну никто не видел. Я не знаю, к какому сонму привидений примкнула эта женщина и успела ли она понять, что произошло. Ведь в чём-то она была права: не урбанизированный Барнаул обладает своей чертовщиной. Для кого-то из жителей он – Столица мира с великолепным метрополитеном, а для кого-то – дыра дырой. А в дыре, в Барнеаполе, метро нет.

И никогда не было.

Аглая

Опершись о стену, Маруся сидит на табурете, втиснутом между самодельным буфетом и столом со столешницей из чисто выскобленных дубовых досок. Она нервно теребит платочек и, не отрывая глаз, следит за ведьмой Аглаей, которая, непрерывно бормоча под нос, снуёт туда-сюда по большой и светлой комнате. Аглае лет сорок – сорок пять, на ней длинная цветастая ситцевая юбка, трикотажная водолазка бордового цвета и самовязанная жилетка зелёно-болотного цвета. Волосы – длинные, тронутые сединой —собраны на затылке в шишку. На лице Аглаи нет бородавок, нос у неё аккуратный, а вовсе не крючком. Её лицо круглое, зелёные глаза широко поставлены. Около глаз и в уголках губ морщинки, которые показывают, что Аглая добродушная улыбчивая женщина. Но сейчас она строга и серьёзна.

Через всю комнату протянут шнур, на нём висят пучки трав. Вдоль стены развешаны полки, уставленные горшочками и баночками, бутылочками и коробочками... На печке стоит котелок, из него валит густой пар. Аглая время от времени отправляет в котелок то измельчённую траву, то порошок, то разноцветные жидкости. По комнате растекается густыми тягучими волнами, головокружительный запах.

Наконец Аглая поворачивается к Марусе и требовательно протягивает руку.

– Давай!

Маруся от волнения путается в складках одежды. Её лицо горит.

– Ну же?! – торопит Аглая и шевелит пальцами.

Маруся поднимается и отыскивает карман, достаёт спичечный коробок и протягивает ведьме:

– Вот...

– Всё сделала, как я сказала? – уточняет Аглая.

– Да, – шепчет Маруся.

– Это точно его волосы и пуговица с его одежды?

Маруся кивает и съёживается под строгим взглядом ведьмы.

– Не переживай, девонька, – голос Аглаи теплеет. – Всё сделаем в лучшем виде. Будет соколик твоим и только твоим! Ни на какую другую и не глянет!

Аглая над столом аккуратно сдвигает крышку спичечного коробка. Внутри лежит прядка русых волос и пуговица. Ведьма кладёт раскрытый коробок на стол, берёт керамическую миску, ставит рядом, накрывает миску чистым полотенцем, потом зачерпывает половником из котелка и аккуратно наливает в миску поверх полотенца. Отложив половник, собирает края полотенца и за них приподнимает варево, давая стечь – процеживает. Убирает полотенце с остатками, бросает короткий взгляд на Марусю и уточняет ещё раз:

– Точно любишь?

Та краснеет и кивает.

– Как волосы-то добыла?

– В парикмахерской... – чуть слышно шепчет Маруся.

– Денежку принесла?

Маруся достаёт из другого кармана кошелёк и вынимает несколько свёрнутых банкнот. Деньги перекочёвывают в карман ведьмы.

– Ещё раз спрашиваю. Ты уверена? Приворожить-то приворожу, а вдруг разлюбишь?

– Не разлюблю, – шепчет Маруся, и из её глаз начинают капать крупные слёзы.

– До слёз, значит, любишь, – скорее утверждает, чем спрашивает Аглая.

– Я Сашу больше жизни люблю! Я всё для него готова сделать! Только бы он был со мной, – Маруся распрямляет плечи. В её глазах светится отчаянная решимость.

– Ну, всё так всё! – пожимает плечами ведьма. – Моё дело маленькое. На-ко вот, выпей, – и Аглая протягивает Марусе миску с процеженным варевом. – Да не бойся, это просто успокоительное.

Маруся принимает миску и одним духом выпивает содержимое. И лишь потом немного морщится:

– Горько...

– А ты как хотела? – улыбается Аглая. – Ну что, приступим?

Аглая забирает у Маруси пустую миску, кладёт в неё волосы и пуговицу, подсовывает миску под руку девушки и на-

крывает её рукой.

– Подержи-ка так.

И вдруг замирает. Перед взором Аглаи проносятся одна за другой картины. Вот Маруся с русоволосым красавцем идут по улице. Они держатся за руки и улыбаются друг другу. Парень наклоняется к Марусе словно сказать что-то и как бы невзначай целует её в щёчку. Маруся смотрит на него удивлённо и счастливо смеётся. А он целует её теперь в губы. Небо голубое, солнце светит и птицы поют...

Вот Маруся и её красавец в компании друзей в кафе. Столы сдвинуты, на столах коктейли, тоники в банках, пиво в высоких стаканах... Маруся сидит у своего парня на коленях. Он протягивает ей бокал с коктейлем, настаивает, чтобы она выпила. Гремит музыка. Все смеются.

Маруся и красавец страстно целуются в лифте. Его руки свободно гуляют по её телу, пытаются расстегнуть ей джинсы. Слышится слабое: «нет», но парень настойчив. Нажата кнопка «Стоп».

Светло-голубой кафель ванной комнаты. Маруся нервничает, смотрит на часы. Потом берёт со стиральной машинки тест. Её руки дрожат. Она одновременно плачет и смеётся.

Снова кафе. Гремит музыка. Столы сдвинуты. Все смеются. Маруся прильнула к плечу красавчика, а он с хмурым видом пьёт тоник банку за банкой... Маруся что-то говорит ему. Он грубо отвечает. Маруся плачет. Он с неохотой гладит её.

ЗАГС. Маруся с большим животом в белом платье и фате, с маленьким букетиком в руках. Рядом красавчик. Он пьян и еле стоит на ногах. Играет вальс Мендельсона. Из гостей только родители.

В кроватке орёт младенец, а Маруся и пьяный красавец орут друг на друга. Внезапно он с размаху бьёт Марусю по лицу. Она что-то кричит, швыряет ему в лицо погремушку. Он уходит, хлопая дверью. Маруся обессиленно опускается на пол. Ребёнок закатывается в крике. Маруся подползает к кроватке, берёт младенца, прижимает к себе, успокаивая. По её щекам текут слёзы. Дверь открывается, и красавец возвращается в комнату не в силах уйти.

Ребёнок спит в кроватке. Маруся стоит за гладильной доской, гладит ползунки. У неё под глазами тёмные круги. Она осунулась. Красавец с трудом стоит на ногах. Его глаза мутны. Он подходит к телевизору и включает его – громкость на всю катушку. Ребёнок просыпается и начинает плакать. Красавец орёт на ребёнка. Маруся роняет на пол утюг и кидается с кулаками на красавца. Он размахивается и бьёт её в челюсть. Маруся падает шеей на утюг и умирает...

...Аглая слышит голос Маруси и словно выныривает издалека, смотрит на девушку, а та говорит горячо:

– Я так сильно Сашу люблю! Я за один день с ним что угодно готова сделать! Он такой замечательный! Умный, красивый! Вы себе не представляете! Он такой... такой...

– Какой? – сухо спрашивает Аглая.

– Он самый лучший! – не задумываясь отвечает Маруся.
Аглая задумчиво смотрит на девушку.

– Вы ведь мне поможете? – с надеждой глядя на ведьму, спрашивает Маруся, – Он меня полюбит? Мы будем вместе? Мне сказали, что вы очень сильная ведьма...

– Сильная, – соглашается Аглая. – Помогу. Кто я такая, чтобы мешать твоему счастью?

Волшебная палочка

Ночь догорала, как свеча. Пушистый снег падал крупными хлопьями. В заштатном городишке Н-ске на кухне в гордом одиночестве сидела хрупкая девушка-тинейджер – сама невинность. Её мраморно-белая кожа была холодна, как лёд. Девушка качалась на задних ножках стула и прятала руки в рукава толстовки. Юной душе так хотелось тепла и любви! Она мечтала о Серёже из параллельного класса.

На столе лежали учебники и тетради, но они были небрежно сдвинуты на угол. Бездонные глаза взирали на чистую страницу общей тетрадки, а длинные тонкие пальцы сжимали обыкновенную авторучку.

Девушке нужно было учить уроки – учителя в конце полугодия просто озверели: тест за тестом, контрольная за контрольной. Каждый день задавали столько всего, что времени гулять совсем не оставалось. И попробуй не сделать! Останешься после уроков и будешь зубрить до опупения. Она забыла уже, когда в последний раз нормально гуляла с друзьями!..

Серёжа никогда не оставался после уроков. Он был отличником, занимался боксом и музыкой. То мама, то папа возили его на тренировки или на репетиции. Не то, что её родители...

Учиться девушке было нужно – выпускной класс, как-ни-

как! Ещё чуть-чуть, и она будет свободна! Уедет куда-нибудь далеко-далеко и начнёт взрослую, самостоятельную жизнь, подальше от... Только нужно решить вот эти задачки и написать вот этот реферат.

Но девушка, вместо этого, сочиняла стихи. Морщила носик, смотрела в потолок, потом на луну в окошке. Записывала что-то, зачёркивала, снова записывала. Дело в том, что её постоянно сбивали с ритма доносящиеся из родительской спальни звуки.

Изящные строчки ложились на листок:

*К тебе летит моя мечта —
Скучаю, по тебе скучаю.
Хочу любить тебя всегда,
В твоих руках, как снег...*

«Ещё! Ещё!», — несло из родительской спальни. И девушка перечёркивала написанное, словно резала строчки и слова. Потом писала снова:

*Ты мой единственный герой,
Но между нами расстояние.
Найду ль когда-нибудь покой?
Услышишь ли моё...*

«А! А! А-а-а-а!», — раздавалось за стенкой. И снова девушка остервенело резала авторучкой слова и строки.

Наконец в спальне затихли.

Девушка с облегчением вздохнула и улыбнулась своим мыслям. Теперь беспрепятственно можно отдаться поэзии! Серёжа... Авторучка вдохновенно прикоснулась к листу, но тут в кухню вошли родители – усталые и довольные.

Мама девушки – роковая женщина, длинноногая блондинка с лебединой шеей, высоко вздымающейся грудью и осиной талией была по-кошачьи грациозна.

Непокорные вихры отчима уже тронула серебристая седина. Хитрый прищур глаз, отрешённый взгляд из под мохнатых бровей, волевой подбородок говорил о непростом характере.

Новый папа сел за стол напротив приёмной дочери, закурил и, пристально глядя в вырез её толстовки, спросил:

– Как школа?

Девушка молча пожала плечами. Нового папу ответ, видимо, удовлетворил, потому что он откинулся на спинку стула и затаился. В это время к нему подошла мама, обняла за шею, изящным движением забрала сигарету из папиных рук и тоже затаилась. Папа глянул на неё пронзительно и усмехнулся в усы.

Где-то там, далеко Серёжа с родителями пьёт вечерний чай. Они всегда вместе пьют вечерний чай и разговаривают. Когда она будет жить сама и обзаведётся семьёй, то точно так же будет пить вечерний чай и разговаривать...

Девушка тоскливо посмотрела в окно. Крупные хлопья

снега медленно кружились в лунном свете. И белоснежная рука вывела на листе:

*Всегда быть рядом я хочу,
Касаться пальчиками кожи.
Мечта летит, и я лечу —
Мы с ней немножечко...*

– Что пишешь? – спросила мама, прижимаясь к новому папе.

Девушка прикрыла строки ладонью и снова ничего не ответила – не успела. Папа, глядя на девушку, потянул к себе маму и усадил на колени. Его рука скользнула под шёлковый халатик, отодвинула отворот и по-хозяйски легла на грудь.

Девушка брезгливо поморщилась и возмущённо крикнула:

– Прекратите немедленно!

Но папа уже прильнул губами к соску и, крепко ухватив маму за ягодицу, принудил развернуться к нему лицом. Халатик больше ничего не скрывал. Папа целовал, буквально впивался в мамину шею, плечи, грудь. Мама застонала от наслаждения.

– Фу, мерзость! – скривилась девушка и снова тоскливо глянула на луну, потом на грудку учебников, на листочек с недописанными стихами...

Ей стало тошно. Хотелось блевать. Она не могла выйти

из кухни, потому что папа с мамой перекрывали путь. Они совсем перестали обращать на неё внимания. Девушка почувствовала себя невидимкой в своей семье. Вот если бы Серёжа...

Ну почему у неё нет волшебной палочки. Сейчас взмахнула бы, и всё!

Стоны мамы становились сильнее. Противный запах разгорячённых тел, особенно тошнотворный похотливый запах матери, ударил в ноздри девушки, и она решилась – взмахнула авторучкой так, будто это была волшебная палочка. Да не просто волшебная палочка, а обоюдоострая. Взмахнула, перечёркивая....

И... рассекла сплетённые тела. На пол упали две головы: одна – блондинистая, другая – с непокорными седыми вихрами. Изумление застыло на лицах, увидевших, наконец, дочь. Шлёпнулись руки, раскромсанные куски плоти. Кровь двумя фонтанами брызнула в потолок, на стены, мебель, на девушку, залила пол... Кровь была похожа на кетчуп. Много кетчупа... Целое море...

А потом воцарилась тишина.

Девушка посмотрела на ручку, на свои белые руки с каплями крови, на испачканный лист бумаги. И понимая, что теперь Серёжа для неё уже никогда не будет доступен, что теперь они никогда не будут вместе пить вечерний чай и разговаривать, грустно вздохнула и, тщательно выводя буквы, написала чернилами, перемешанными с кровью:

*Улыбка нежная твоя
Пусть будет для меня наградой.
Есть в этом мире ты и я,
А больше никого не надо!*

Луна печально посмотрела в окно на девушку, на её тонкий стан, на кетчуп, испачкавший всю кухню. Потом – в соседнее окно, где точно такая же девочка-тинейджер с чуткой душой, сидела точно так же – с грудой учебников и в перепачканной кетчупом кухне. А этажом ниже, среди залитых кетчупом стен билось трепетное сердце мальчика-подростка. И в той квартире... и в этой... и в соседнем доме... и в дальнем...

Волшебная палочка, блин!..

«Есть по Чуйскому тракту дорога...»

*Есть на Алтае тракт – Чуйский.
Красивая стремительная дорога,
как след бича, стегавшего по горам.
Много всякой всячины рассказывается,
поётся, выдумывается о нём.
Все удалые молодцы,
все головорезы былых лет,
все легенды все с Чуйского тракта.
Василий Шукшин,
«Живёт такой парень»*

Пётр хлопнул дверью «королы филдер», повернул ключ зажигания и вдавил педаль газа в пол. Машина с визгом сорвалась с места.

– К чёрту! К чёрту! – ударяя по рулю, раздражённо повторял Пётр.

Сонечка, накручивая прядку обесцвеченных волос на палец, демонстративно любовалась проплывающими за окном горами, а весь её вид буквально вопил: «Я же говорила!» Но вслух Сонечка не произнесла ни слова – не хватало ещё, чтобы Пётр сорвал на ней своё настроение. А ведь она ему всю дорогу твердила, что нельзя останавливаться на трассе, что вокруг куча мошенников. Вон, на той неделе по теле-

визору предупреждали. А если уж официальные СМИ начали говорить об этом, то дело точно швах! Нет, этот упёртый кретин всё твердит о каком-то благородстве и взаимопомощи! Какая взаимопомощь? Мы в двадцать первом веке живём! Случись что, останутся только полюбопытствовать да снять на телефон, чтобы выложить в ютуб. Всех интересуют лайки в постах и под фотками! И только лайки! Когда самолёт упал, единственный священник раненых из горящего самолёта вытаскивал. Остальные зеваки стояли и снимали на видео... И это факт! Кстати, заснятый теми же самыми зеваками. Теперь все ржать будут над этим лохом – купился на простой развод с пробитым колесом! Это ж каким идиотом надо быть?! Стыдобища!

Дорога асфальтом ложилась под колёса, за окном проплывали горы, змеилась Чуя, «корола филдер» катилась легко, в магнитоле играла шофёрская песня, одна из тех, которые Пётр специально закачал на флешку перед поездкой:

*Есть по Чуйскому тракту дорога,
Много ездит по ней шоферов...*

Чуйский тракт... Если послушать песню, место романтическое. Но если посмотреть, то дорога и дорога. Ну, красиво, конечно. Горы меняются. Какие-то вершины пологие, какие-то ощерились скалами. Вдоль некоторых хребтов ровными рядами растут сосёнки, словно шипы на спине древних драко-

нов, прилёгших отдохнуть. Где-то растений побольше, где-то поменьше. Парочка перевалов: Симинский и Чике-Таман. И река вдоль дороги. Сначала Катунь, потом Чуя...

Сонечка и Пётр ехали в альпинистский лагерь «Актру». Нет, Сонечка не собиралась лезть на ледники. Петру надо, пусть сам и лезет, а она потусит в клубе, ведь должен же там быть клуб?! Полюбуется видами, пофотографирует для инета! Сеть-то уж там наверняка есть... Не совсем ведь дикие места?.. В конце концов, сейчас модно ездить в Горный Алтай, так что всё должно быть. Свадебное путешествие в горы... А что? Всегда нужно быть в тренде!..

Пётр потихоньку успокоился и даже впал в некоторую вялость и равнодушие. Он жал на газ, машина летела, обгоняя и обгоняя... Дорога взмывала вверх и опускалась вниз, местами была прямой, а местами извивалась, зажатая между рекой и обрубленными скалами. Но Пётр не сбавлял скорости и в этих прижимах...

Внезапно в песню про Кольку Снегирёва вплелись удары крупных капель дождя по лобовому стеклу. Капли, поначалу единичные, вскоре превратились в сплошной поток ливня.

Пётр включил дворники, но скорость не сбавил. Казалось, он вообще был лишён интереса к жизни...

«Ну и пусть! – подумала Сонечка, – Вот разобьётся, будет знать!»

Ливень усилился. Дворники уже не справлялись с потоком воды. Сонечка посмотрела в окно, но за серыми стру-

ями ни гор, ни неба практически не было видно. Горизонт исчез, и определить, где заканчиваются горы и начинается небо, стало невозможно. В короткие моменты, когда дворники проезжали по стеклу, сдвигая воду, можно было разглядеть подсвеченный фарами дальнего света небольшой участок дороги, слева от неё отвесный край скалы, прижимающийся к асфальту, справа белели полосы ограждения. Дальше стояла сплошная серая водяная стена. Было темно, как будто уже наступил глубокий вечер...

Внезапно Пётр резко нажал на тормоза. Машина заюлила на мокром асфальте, её стало разворачивать и стаскивать на встречную полосу. Сонечка вцепилась в переднюю панель. Глаза женщины расширились, а крик замер на губах.

Пётр старался удержать машину. Скала неотвратимо приближалась. Пётр выкрутил руль. Машину развернуло, слегка царапнув бампером по камням, но скорость упала.

Наконец машина остановилась. Впереди, в паре метров стоял старинный грузовичок с деревянной кабиной и крытым брезентом кузовом. Такому разве что в музее быть, под крышей. Явно довоенный, из первых грузовых машин...

Пётр и Сонечка смотрели на освещённого фарами водителя грузовичка: в сапогах, в ватнике, в кепочке. Казалось, Шукшинский Пашка Колокольников сошёл с киноэкрана.

Шторка капота была поднята и укреплена на подставке, а водитель под проливным дождём направлялся к «короле филдер».

– Ты чего остановился? – спросила Сонечка.

– Не видишь, помощь человеку нужна, – автоматически ответил Пётр.

– Ничто тебя не учит. Чуть нас не угробил, пока тормозил. Тебе что, больше всех надо?

– Человеку нужна помощь, – отрезал Пётр.

– Ты сегодня уже помог одному, – усмехнулась Сонечка.

Пётр промолчал.

– Ты понимаешь, что ведёшь себя как последний лох? Над тобой и так все смеяться будут, а ты ещё останавливаешься! Мало тебе утешного развода?

Пётр повернулся к жене и сказал:

– Если людям не верить, если не помогать друг другу... Нашёлся один подлец, плюнул в душу, так что теперь, закрыться от жизни? Если мы все будем проезжать мимо, то как жить? Я ж себя уважать перестану, понимаешь?

– Да кому твоё самоуважение нужно, если над тобой смеяться будут?! Как ты не понимаешь? Будут смеяться!

Пётр хмуро глянул на жену, отстегнул ремень безопасности и вышел навстречу водителю грузовичка, который к тому времени уже подошёл к «короле филдер». В приоткрытую дверь женщина слышала: «Друг, помоги, одному не справиться!».

Сонечка смотрела, как мужчины направились к грузовичку, потом Пётр сел в кабину, а водитель а-ля Пашка Колокольников встал на подножку и нырнул под шторку капота.

Видно было, что мужчины разговаривают, что-то передают друг другу, что-то делают...

А Сонечка сидела и злилась: мало того, что её мужа обули, как лоха, так он ещё и упёртый дурак, идейный! Ну, ладно, хочется тебе помочь, так помоги нормальной машине, там «лексусу» или «мерседесу». А он выбрал колхозника в лаптях и ради него под дождь проливной... А потом в машине сырость будет. Плюс – задержка. Уже могли бы чёрт-те куда уехать! Говорит: «себя уважать перестану». Но если тебя не уважают твои сослуживцы, соседи, друзья, то толку от твоего самоуважения – шиш да маленько! Кто будет уважать лоха?

Сонечка уже подумывала о том, что всё-таки она поспешила выйти замуж за Петра, когда мужчины пожали друг другу руки и Пётр пошёл к своей машине.

По-прежнему лил дождь, но Сонечке показалось, что слегка просветлело.

Пётр сел в машину. Он был мокрый до ниточки и сильно замёрз, но настроение заметно улучшилось. Он с улыбкой завёл машину и включил печку. А потом, похлопав молодую жену по коленке, весело сказал:

– Не грусти! Будем жить!

«Корола филдер» плавно тронулась с места. Пётр посигналил и помахал водителю грузовичка и сказал жене:

– Хороший парень, Николай. Ему невесту свою, Раю, догнать надо, она тоже на грузовике, на «форде», вперёд уеха-

ла. А тут такая полонка...

– Как он на этой колымаге «форда» догонит?

– Этот догонит, будь уверена!

Небо значительно просветлело, и дождь скинул обороты. Стало видно горы на той стороне реки и саму реку внизу – Чую, бурлящую на порогах...

Сразу за грузовичком открылся поворот, и вдруг Пётр снова ударил по тормозам. Машина ещё не успела разогнаться, поэтому остановилась сразу.

Сонечка с недоумением посмотрела на мужа: «Что ещё?!»

А Пётр, внезапно посеревший, вышел из машины. Дверь осталась открытой, и дождь попадал в салон.

Сонечка потянулась и закрыла водительскую дверь.

Встревоженная тем, что Пётр стоял перед машиной как истукан и не шевелился, Сонечка, поморщившись, тоже вышла из машины.

Дождь закончился. Лишь отставшие капли ещё нет-нет, да и падали на женщину, вызывая неприятное ощущение зябкости.

Сонечка, обняв себя руками, пошла к мужу и...

Дороги впереди не было.

То ли рекой подмыло, то ли землетрясение, но огромный пласт земли вместе с асфальтом и заградительными перилами сполз в реку. Вдоль белой скалы оставалось узкое пространство, по которому можно было проехать... Потихоньку, на цыпочках... и не на всякой машине.

– Как мы проедем? – спросила Сонечка у мужа.

Он повернулся, обнял жену и сказал ласково, так, как говорят с маленькими детьми:

– Ты ничего не понимаешь! Если бы я не остановился помочь Николаю, нас бы уже не было!.. Совсем не было! Мы бы были там! – и Пётр показал на кипящую Чую. – Надо сказать ему спасибо, он невольно спас нас.

Пётр обернулся, но грузовичка не увидел. Ни рядом, где он только что стоял, ни дальше по трассе... Старинного грузовичка с водителем, который будто сошёл с Шукшинской киноленты, не было, словно не было никогда.

Светило солнце. Пели птицы. Жужжали насекомые. Пахли травы. Шумела река. Цветы, омытые дождём, посвежевшие, радовали глаз. Горы тянулись к небу и тянули за собой тонкую нить Чуйского тракта. И лилась среди гор песня:

*Есть по Чуйскому тракту дорога,
Много ездит по ней шоферов.
Был один там отчаянный шофер,
Звали Колька его Снегирёв...*

«А что, – думала Сонечка, подъезжая к альпинистскому лагерю „Актру“, напишем в блоге легенду про то, как привидение из песни спасло нам жизнь. Вот лайков-то будет!»

Здесь была Мара

Маришке на день рождения подарили новый телефон. Не буду рекламировать модель, скажу только, что девушке в пятнадцать лет было не стыдно достать из сумочки стильный, в бирюзовом корпусе, смартфон с выдвигающейся клавиатурой, оснащённый камерой с высоким разрешением, поддерживающий Wi-Fi, Bluetooth, GPS и ещё кучу других наворотов.

Старенький, верой и правдой служивший долгие годы телефон, ещё исправный, но уже потёртый, переживший не одно купание и падение, немедленно отправили на антресоль.

Сказать, что Маришка была счастлива – ничего не сказать. Она прослушала все мелодии, заглянула в Галерею, пощёлкала фотокамерой и ушла в «ВКонтакте» делиться новостью и новыми фотками с френдами.

Онлайн был Псих. И он тут же предложил сделать этот день незабываемым – отметить днюху неординарно – поиграть в бунтарей и пошариться по заброшке. Маришка, естественно, согласилась. Её привлекало всё тайное и опасное. И через несколько минут она уже ехала на троллейбусе к месту сбора.

Встретиться договорились рядом с гипермаркетом, который расположился в цехе бывшего хлопчатобумажного комбината. А потом договорились идти в заброшенное здание

заводской поликлиники.

На встречу пришли Эван – ровесник Маришки, Маришка и Псих – он вызвался быть проводником. Так-то он был нормальный, только с кликухой не повезло. Он был уже студентом, и уже не раз ходил на заброшки.

Он долго вёл ребят сначала вдоль фасада гипермаркета, потом по боковой улочке вдоль решётчатого забора, потом вдоль бетонного с колючей проволокой по верху, потом они повернули ещё раз. И, наконец, остановились рядом с дырой в заборе. То ли плита была сделана с нарушением технологии, то ли танк в неё въехал, то ли напряжение бетона в этом месте выходило за пределы расчётного, но факт, как говорится, налицо – в заборе была трещина. Достаточно широкая, чтобы в неё мог протиснуться худощавый человек.

Бунтари, так бунтари – и ребята проникли на территорию. Сразу от лаза начиналась едва заметная тропинка, которая, прячась за кучи мусора и извиваясь среди деревьев и кустарников, привела к заброшенному трёхэтажному зданию заводской больницы. Разбитые стёкла, словно пустые глазницы, равнодушно взирали на мир.

Маришке не терпелось испытать новый телефон, и она принялась фотографировать кучи мусора, провалы окон, граффити на стенах...

– Снимаешь на калькулятор в HD? – спросил Псих.

Маришка обиделась за калькулятор и, демонстративно повернувшись к Психу спиной, вошла в здание.

– Стой, Мара! Там зомби! Они съедят твои мозги! – крикнул ей вслед Псих.

– Больница – это край чудес. Зашёл туда и там исчез! – продекламировал Эван.

– Упыри отмороженные! – ответила девушка, однако осталась.

В широком холе сразу напротив входной двери располагалась лестница без перил, а рядом с ней – вход в подвал. На стене красовалась надпись. Ровные аккуратные буквы, выведенные чёрной краской, гласили: «welcome to the hell».

Маришка автоматически подняла телефон, сфотографировала надпись и с комментарием: «Репортаж из ада» отправила в «ВКонтакте».

Подошли ребята, постояли, привыкая к слабому освещению. Эван, рассматривая надпись, прошептал:

– Сюда бы ночью... С другом-идиотом.

– Такие, как ты, потом без вести пропадают, – тоже шёпотом ответил Псих. – Теперь, детки, инструктаж: здесь полно ловушек. Держимся вместе. Смотрим под ноги! Это здание было достроено и использовалось по назначению, а значит – впитало в себя энергетику. Это больница. Здесь умирали. Вон там, в подвале – морг. Души мёртвых любят играть с живыми и водить их за нос, уж поверьте мне...

Неожиданно громко звякнул Маришкин телефон. С незнакомого номера пришло sms с текстом: «Я тебя жду».

– Ошибся кто-то, – сказала Маришка, удаляя sms.

– По-любому, кто-то из призраков, – прокомментировал Эван. – Может, повезёт встретиться с обитателями?..

– Хватит пугать. Мне не страшно, – ответила Маришка.

– Про это место, наверное, легенд всяких полно? – спросил у Психа Эван.

– Легенду каждый может создать сам, – ответил Псих и, проверив фонарик, предложил, – пошли потихоньку.

И ребята, заглядывая в кабинеты и палаты, двинулись вперёд.

Запах горечи, следы пожара, обвалившаяся кирпичная кладка, деревья, что проросли прямо в кабинетах и на балконах, выкрошенный местами бетон и прутья арматуры, торчащие, словно оголённые рёбра... Свастика на стене, запах мочи, использованные шприцы, а рядом надпись: «Русский, хватит бухать!».

– Интересно, что сказала бы мама, если б увидела меня тут?

Красной краской облупившееся: «Посторонним вход запрещён» и пожелтевший план эвакуации. Запах сырости. Солнцезащитные очки со стразами, алюминиевая ложка, старые газеты. Разбитые ампулы. Куча говна.

– Что взять с зашоренных обывателей?

Надпись: «Подумай лучше!», гнилостный запах, полуистлевший труп собаки, надпись: «Важно иметь тайну!», а рядом: «Тайны не существует». Разбитое зеркало, «Здесь начинается ужас»...

– Вымораживает сужающийся коридор...

С этажа на этаж, из палаты в палату Маришкин телефон запечатлевал всё, что попадало на его экран, и отправлял во всемирную паутину.

– Хорошо хоть берцы надел. Защищают на ура и от вывихов, и от острых предметов, и от влаги.

Чудом сохранившаяся дверь в процедурный была прикрыта. Псих отгрёб ногами мусор, открыл дверь, и ребята вошли в кабинет. На обшарпанном столе лежали истории болезней, заполненные аккуратным почерком: «Иванов И. И. – шизофрения»; «Петров П. П. – бред», «Смирнов С. С. – мания величия»...

– Детки играли в больничку, – прокомментировал Эван.

– Не просто в больничку, а в психушку, – уточнил Псих.

Маришка перекладывала истории, фотографировала их.

«Круто!» – сообщило sms.

Внутри процедурного оказалась ещё одна дверь. Тоже стеклянная, но выкрашенная белой краской. И тоже целая. Псих, а за ним Эван вошли. Маришка замешкалась – пришла sms с текстом: «Тебе пока рано».

В следующий момент белая дверь захлопнулась. Маришка отпрыгнула, потом потянула за ручку и замерла – за дверью был, казалось, бездонный провал. Куда делись Эван и Псих Маришка не знала.

Она отошла назад и увидела ещё одну надпись, которую не заметила сразу: «У меня был друг, он смотрел на стену

и умер».

Побледнев и совершенно не отдавая себе отчёта, девушка сфотографировала надпись... Звук зуммера привёл её в чувство, и она опустила руку с телефоном, забыв отправить фото в «ВКонтакте». Постояла немного, прислушиваясь, потом крикнула:

– Эван, Псих! Вы где? Хватит дурачиться!

В ответ отовсюду послышались шуршания и постукивания.

Снова звякнул телефон: «Здесь повесился Колька».

Маришка опять позвала ребят. В этот раз голос прозвучал глухо.

Девушка, отступая, вышла в коридор. Там гулял ветер. Негромко шелестели старые газеты. Слышались вздохи... за уровнем восприятия...

– Псих. Эван. Придурки, хватит меня пугать, – прошептала Маришка.

Где-то внизу что-то разбилось. Звук отразился от пустых коридоров и потерялся в палатах.

Маришка замерла, озираясь.

Медленно начал опускаться потолок. Казалось, он хочет заглянуть к ней в душу: «Ага! Испугалась?!» Так же медленно начали сдвигаться стены: «А вот мы сейчас тебя поймем!»

Маришка, озираясь, пятилась к лестнице. Она старалась двигаться тихо и медленно, чтобы ни звуком, ни движением

не выдать своего страха.

Грохом прозвучал сигнал следующей sms – «Я знаю, где ты!»

И тогда Маришка побежала.

Никогда в жизни она так не бегала! Она бежала, что есть силы, обгоняя грохот и удары своего сердца... Пересохшее горло едва успевало хватать воздух, которого становилось всё меньше.

Вот и лестница! Вниз! Скорее вниз! К выходу из этой чёртовой больницы!

Маришка бежала и бежала по лестнице. Казалось, должен быть уже минус двадцатый этаж, но первого всё никак не было.

Наконец, знакомый холл с чёрной надписью!

Маришка в ужасе остановилась – она никак не могла вспомнить, какая дверь ведёт в подвал в морг, а какая на улицу...

Думать нужно было быстрее, потому что по лестнице кто-то спускался. Ещё чуть-чуть, и её увидят. И Маришка юркнула под письменный стол, который стоял под зловещей надписью. Девушка старалась не дышать, чтобы никак не выдать своего присутствия.

Шаги приближались. Миг, и Маришка увидит ноги...

Предательски звякнул телефон. Новая sms гласила: «Я тебя вижу!»

Эван и Псих стояли в холле на первом этаже. Стало заметно темнее – день близился к своему завершению.

– Псих, а здорово ты придумал с sms-ками и с нишей! Маре эта днюха запомнится по-любому! – сказал Эван, пиная камушки.

– Бежала-то как! Видел? – ответил Псих. – Интересно, куда она делась?

– Да, поди, уже дома! А мы тут торчим, ждём. Позвони ей, что ли? Только не с той sim-ки, а то ещё трубку не возьмёт.

– Что я, не понимаю, что ли? Звоню со знакомого номера...

Псих набрал номер Мары. Через несколько секунд рядом, под столом раздался звонок.

– О, как! – воскликнул Эван и заглянул под стол.

На грязном полу лежал новенький стильный, в бирюзовом корпусе, смартфон с выдвигающейся клавиатурой, оснащённый камерой с высоким разрешением, поддерживающий Wi-Fi, Bluetooth, GPS и ещё кучу других наворотов, и весело пиликал.

А на стене под столом обломком кирпича, который валялся тут же, было нацарапано: «Здесь была Мара».

Имаго

Давно уже ничего странного и необычного не случалось с Ларисой Сергеевной, жизнь которой подходила к ягодному рубежу. В сказки она больше не верила. Что принцев не существует – знала наверняка! И что сама не принцесса – к сожалению, тоже... Да и далеко не дюймовочка. И скорее – синий чулок.

Предновогодняя суэта её раздражала. Ещё бы! Все эти отчёты, подведения итогов, отработка «хвостов», чтоб в новый год войти достойно и налегке. Чтоб в новом году... Проверенно не единожды: всё будет как прежде – после рождественских каникул – ах, почему они не летом! – на работе сплошные авралы. А потом – финансовая диета. В смысле, диета до следующей зарплаты по причине отсутствия финансов.

Но и совсем проигнорировать Новый год Лариса Сергеевна не могла. Нельзя отрываться от коллектива, что скажут соседи, что подумают родственники... Хотя родственники волновали меньше всего. Лариса Сергеевна жила одна, замуж так и не вышла, родители умерли, братьев-сестёр нет. Были двоюродные, троюродные... Где-то были...

На пороге года Синей Лошади Лариса Сергеевна стояла в длиннющей очереди в супермаркете.

Синяя мишура, синий серпантин, синяя фольга, синяя,

синее, синий...

Видимо, поэтому Лариса Сергеевна не очень удивилась, когда в колбасном отделе продавщица в костюме снегурочки, примериваясь отрезать от батона колбасы килограмм, положила на весы нечто синее.

Нечто синее было взвешено и переложено на разделочную доску. Снегурочка взяла нож, как вдруг... на Ларису Сергеевну глянули живые глаза.

– Стойте! – повинувшись внезапному порыву, воскликнула покупательница. – Я всю возьму.

Снегурочка равнодушно пожала плечами, прилепила ценник, который выплюнули весы, и протянула взволнованной Ларисе Сергеевне.

Никогда ещё женщина так не спешила домой! Всю дорогу она спорила с собой, мол, что за дурацкие фантазии? Разве может быть колбаса с глазами? Да и синей тоже не бывает... Но из пакета выглядывал именно синий батон!

Дома женщина, не разуваясь, прошла на кухню, достала нечто из пакета и уставилась на... Синюю Гусеницу, которая, в свою очередь, тоже посмотрела на Ларису Сергеевну.

Молчание уже слишком затянулось, когда Гусеница медленно, словно в полусне, спросила:

– Ты... кто... такая?

Начало не очень располагало к беседе. Да и вообще, какая может быть беседа с синей колбасой, даже если это вовсе не колбаса?!

– По-моему, это вы должны мне сказать сначала, кто вы такая, – возразила Лариса Сергеевна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.